

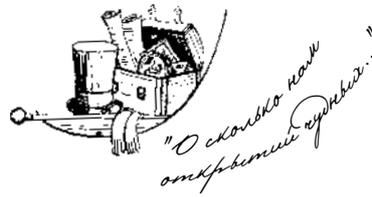
Комментарий к одной строке
из пушкинского письма
Алексей Фёдорович Мерзляков

Мы колебались, включать ли в посвящённый А.С. Пушкину выпуск статью об А.Ф. Мерзлякове: почтенный профессор, кажется, даже не был знаком с великим поэтом, и — несмотря на общих друзей, на людей, которые относились с глубоким уважением и к Мерзлякову, и к Пушкину, а среди них были такие фигуры, как В.А. Жуковский и С.П. Шевырёв, — заочные отношения их были довольно неприязненными: критик отзывался о поэте нелицеприятно, — поэт не любил и третирует критика.

Алексей Любжин,
кандидат
филологических
наук

В.Г. Белинский как-то вспоминал: «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: «Пушкин пишет хорошо, но Бога ради, не называйте его сочинений поэмами!» Под словом *поэма* классики привыкли видеть что-то чрезвычайно важное». По словам Галахова, в ответ на вопрос П. Победоносцева о пушкинских «Цыганах» он ответил: «Низко, скверно, постно и больше ничего». М. Максимович опубликовал в 1829 году в «Атенее» статью, в которой впервые доказал: пушкинская «Полтава» — поэма *народная и историческая*; по возвращении с юга поэт чрезвычайно благодарил его за статью, но зато она вызвала резкое недовольство Мерзлякова. Пушкин не оставался в долгу: так, в письме к П.А. Плетнёву от 26 марта 1831 года он суммирует свои университетские впечатления: «Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбиво и умеренности. Его надобно поддерживать, также и Шевырёва, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом».

Что же заставляет нас обратиться к Мерзлякову в рамках пушкинской тематики? Для того чтобы познать величие великих, необходимо кропотливо восстанавливать исторический фон; для пушкинской эпохи это тем более важно, что её ключевое значение в истории русской культуры не может быть оспорено. Но, кроме этого очевидного соображения, есть ещё одно, которое заставляет, в свою очередь, именно Мерзлякова воспринимать как одну из ключевых фигур эпохи: его роль в преподавании русского языка и русской словесности. А она далеко не ограничивалась Московским университетом — вспомним мнение Я.К. Грота, что бродильные дрожжки для литературных занятий в лицее Царского Села были занесены из Москвы явившимися из Благородного университетского пансиона преподавателями и учениками; в пансионе же он царствовал безраздельно. Другим важным аспектом этой роли является боевой пост, занимаемый Мерзляковым: руководя до 1830 года кафедрой крас-

норечия, стихотворства и языка российского в старейшем и авторитетнейшем университете страны, он, если можно так выразиться, нёс персональную ответственность за состояние литературного процесса в России. Как и насколько он справился с этой задачей? Каким образом сумел повлиять на ситуацию? Хотел ли наложить на неё отпечаток своей личности?

Сначала — краткая биографическая справка. Алексей Фёдорович Мерзляков — в отличие от большинства поэтов его эпохи — не мог похвастаться дворянским происхождением; он родился в 1778 году в городе Далматове Пермской губернии в семье небогатого купца Фёдора Алексеевича Мерзлякова. Начальное своё образование он получил в Пермском главном народном училище, директор которого, И.И. Панаев, стал его первым покровителем. Первое сочинение тринадцатилетнего мальчика — «Ода на заключение мира со шведами» — было представлено пермскому и тобольскому генерал-губернатору Алексею Андреевичу Волкову; просвещённый начальник отправил оду главному начальнику народных училищ графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, в свою очередь, поднёс её Императрице. По словам самого автора, «благотетельная Государыня приказала напечатать сие сочинение в издаваемом тогда при Академии журнале и сверх того несколько экземпляров особенно для сочинителя» (несмотря на поиски, Шевырёву не удалось найти текст). Юноша был приглашён в Петербург или в Москву для продолжения наук по окончании училища за казённый счёт; в 1793 году он прибыл в Москву и был препоручен университетскому куратору Михаилу Матвеевичу Хераскову. Именно тот и стал его покровителем в литературе; и как оценивать громадный разбор «Россиады», вышедший в свет в 1815 году и, по позднейшему признанию Н. Полевого, составивший эпоху в русской критике? Была ли это апология или, наоборот, дерзкое нападение, которое мы в свою очередь вправе рассматривать как свидетельство неблагодарности? В 1798 году он становится бакалавром, университетская конференция поручает ему преподавание в классах российской грамматики Академической гимназии, где он сам ещё недавно учился. Он посещает литературный салон Ю.А. Нелединского-Мелецкого, где бываю тот же Херасков, Дмитриев, Карамзин. Мерзляков сближается с молодёжью, воспитывавшейся в Благородном пансионе, и входит в Дружеское литературное общество, основанное Жуковским.

В 1804 году, когда проводилась реформа университета, Мерзляков стал магистром. Он занял уже кафедру русского красноречия и поэзии. Попечитель Михаил Никитич Муравьёв высоко ценит его таланты и покровительствует молодому учёному и поэту: он не только всячески заботился о научно-педагогической карьере Мерзлякова в университете, но и хлопотал об отправке его в Берлинский, Гёттингенский и Лейпцигский университеты «для усовершенствования в древней литературе». Можно только пожалеть, что этого не произошло: более серьёзная научная подготовка, возможно, привела бы к тому, что вся жизнь поэта и критика сложилась иначе, и впоследствии не пришлось бы говорить студентам, что лекции по болезни профессора не будет. Первоначально он колебался в дальнейшем выборе профессии. «Я ограничил себя в рассуждении времени, которое должно мне пребыть в университете: год, два, не больше и я — вольная птица», — писал Мерзляков Жуковскому, надеясь при этом «быть со временем путным профессором... нынешние мои университетские занятия полезны для меня. Может быть, никогда не принудил бы я себя столько прочесть, сколько прочитал в эти четыре месяца». И в этом отношении очень важно было определить дальнейшую судьбу 25-летнего талантливого, но порой недостаточно организованного человека. В 1805 году он был вызван попечителем в Петербург; имелось в виду пригласить его воспитателем к великим князьям, но он «не показался» в этом качестве. В том же году он становится адъюнктом, в 1807-м — экстраординарным и в 1810-м — ординарным профессором. Это была почти вершина его служебной карьеры; правда, в 1817–1818 годах и с 1821 по 1828 год он был деканом словесного отделения, в 1817 году получает орден Св. Владимира 4-й степени, в 1820 году становится директором Педагогического института, а в 1822 году — статским советником; но среди тех, кто восторженно отзывался о нём и для кого он был идеалом преподавателя, запомнилась отнюдь не его административная дея-

тельность, хотя и её недооценивать не следует. Для учеников он был прежде всего поэтом, учёным и критиком.

Поэтические таланты Мерзлякова бесспорны, но столь же бесспорна их ограниченность. «Среди долины ровныя» — заслуженно известное произведение; кроме него, у Мерзлякова есть немало сильных и запоминающихся строф (хотя ни о каком сравнении с такими фигурами, как Батюшков или Козлов, речи быть не может). Он не был чужд новаторских идей и первым обратился в эту эпоху к скомпрометированному Тредьяковским гекзаметру; однако пристрастие Жуковского к этому размеру спровоцировало Мерзлякова на странный поступок: он прочёл в заседании московского Общества любителей Российской словесности письмо о гекзаметре, выдав его за сочинение, поступившее из Сибири; А.А. Прокоповичу-Антонскому с большим трудом удалось примирить двух поэтов. К.Н. Батюшков жестоко высмеял его в «Видении на берегах Леты», назвав «педантом» и вложив ему в уста такие слова:

Я тот, венками роз увитый
Поэт-философ-педагог,
Который задушил Вергилия,
Алкею укоротил крылья.

Прежде чем перейти к обзору того, что говорил Мерзляков студентам и пансионерам с кафедры, вкратце опишем его публичную деятельность. Он был действительно и самым деятельным членом Общества любителей Российской словесности; не было собрания, где он не читал бы стихов или прозы. В 1812 году в доме князя Бориса Владимировича Голицына на Басманной он прочёл публичный курс словесности, на котором присутствовали знаменитейшие особы столицы. Всего состоялось десять бесед; нашествие неприятеля и последовавшая затем смерть князя от ран, полученных в Бородинском сражении, воспрепятствовали завершению чтений. К этому начинанию Мерзляков смог вернуться только в 1816 году.

Курс на этот раз имел более «эмпирический» характер: по кратком изложении теории Мерзляков представил «практические разборы знаменитейших Российских стихотворцев во всех родах сочинений, в которых наиболее наша Поэзия успела».

Для взглядов Мерзлякова на предмет и задачу риторики характерно то, что он подчиняет философию — словесности, а словесность — морали: «Под словом языка, в пространном смысле, понимать на-

добно все правила речи, составляющие теперь три особенные науки: Логикку или Диалектикку, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения правильно, связно и основательно; Грамматикку, которая показывает значение, употребление и связь слов и речей, — и Риторикку, которая подаёт правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода... Цель риторики, как теории всех прозаических сочинений, не ограничивается убеждением и доказательствами. В противность древним и некоторым новейшим учителям, мы понимаем под сим словом науку научать наш разум и занимать воображение, или трогать сердце и действовать на волю».

Вот что пишет один из его самых благодарных слушателей, М.П. Погодин, многим обязанный ему и в своей научной карьере: «Лекций в продолжении трёх лет прочёл он не много, но всякое его слово, от души сказанное, западало в душу и навсегда в ней оставалось. Благоговение к Ломоносову и Державину возбудил он вскоре такое, что они сделались для студента почти столько же любезными и дорогими, как Карамзин. «Из рыбацкой хижины шагнул в Академию и спорит с Франклином, кто из них скорее обезоружит громоносного Юпитера». Эти слова Мерзлякова о Ломоносове отпечатались, кажется, в сердце у всех студентов, его слушавших. А что за торжество было в аудитории, когда Мерзляков разбирал *Водопад* Державина!

Но не с одним Ломоносовым и Державиным знакомил Мерзляков студентов. Херасков, Сумароков, Княжнин, Озеров и прочие классические писатели были изучены подробно и основательно.

К ним присоединялись разборы студенческих упражнений, коими Мерзляков значительно развивал вкус и приучал к критике. Эти лекции были самыми интересными, но прекрасно говорил Мерзляков, хоть и по старым теориям, о прекрасном, о высоком, о чувствительном, о поэзии, о драме, о страстях! Погодин припоминает одну из последних лекций: «Вышла, господа, новая поэма молодого нынешнего поэта лорда Байрона «Шильонский узник», переведённая по-русски Жуковским. Мы займёмся её разбором в следующий раз». Весь Университет взволновался и, считая минуты, ожидал этого следующего раза. Лишь только кончилась лекция, предшествовавшая Мерзлякову, в 5 часов, и вышел профессор из аудитории, как студенты со всех сторон бросились туда, точно на приступ, спеша занять мес-

«О сколько нам
открытий Пушкин...»

та. Медики, математики, о словесниках и говорить нечего, юристы, кандидаты, жившие в Университете, все явились в аудиторию, которая наполнилась в минуту народом сверху донизу, по окошечкам, даже под верхними лавками амфитеатра. Мерзляков должен был продираться через толпу. Какое молчание воцарилось, когда он сел наконец на кафедру! Все дрожало, сердце билось, слух был напряжён...

Шевырёв даёт подробную характеристику Мерзлякову как лектору: «Мерзляков был мужчина невысокого роста, широкоплечий и плотный; грудь имел широкую, голову большую. Волосы на ней были обстрижены почти в кружало. Из-под густых бровей и длинных ресниц светились серые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклые, рот широкий; нижняя губа несколько выдавалась, особливо во время чтения. Орган голоса его был густ, громок, но не совсем явствен. Стихи читал он нараспев, иногда усиливая, иногда умягчая звуки голоса. В молодых годах бывал он душою беседы товарищей. Мы же видали его уже почтенным гостем на больших обедах, оратором за столом и в гостиной, которого, как авторитет, собеседники слушали с уважением. Душа его была простая, незлобивая, мягкосердечная, но пылкая. Зла, конечно, он никогда никому в жизни не сделал и только удалялся от тех, которые его замышляли. Студенты его любили и как профессора, и как человека, потому что он входил в их нужды — и сам, будучи воспитан нуждою, понимал и уважал бедность как возбуждительницу дарования».

Новое поколение далеко не так тепло принимало профессора и его взгляды. Вот свидетельство Белинского, слушавшего Мерзлякова в последний год его жизни: «Он преподавал Теорию Изыщного, и между тем эта теория оставалась для него неразгаданною загадкою во всё продолжение его жизни; он считался у нас оракулом критики и не знал, на чём основывается критика... И этот человек, который был знаком с немецким языком и литературою, этот человек, с душою поэтической, с чувством глубоким — писал торжественные оды, перевёл Тасса, говорил с кафедры, что «только чудотворный гений немцев любит выставить на сцене виселицы», находил гений в Сумарокове и был увлечён, очарован поддельною и нарумяненною поэзиею французов в то время, как читал Гёте и Шиллера! Он рождён был практиком поэзии, а судьба сделала его теоретиком...» Деградация шла стремительно, и умер Мерзляков 26 июля 1830 года — далеко не старым

ещё человеком. И.И. Дмитриев в «Москвитянине» от 8 августа так описывает его погребение: «Мы лишились Мерзлякова. Я был у него на погребении в Сокольниках. Прекрасное утро; сельские виды; повсюду зелень; скромный домик, откуда несли его в церковь; присутствие двух архиереев, трёх кавалеров с звёздами... и подле гроба, на подушке, один только крестик Владимира: всё как-то сказывало, что погребают поэта!»

Мы уже высказали своё мнение — не слишком высокое — о научной компетентности Мерзлякова. Однако Пушкин, несомненно, имеет в виду под его «невежеством» другое — непонимание словесного искусства как предмета теоретического и критического анализа, доктринальность взгляда, сориентированного на устаревшие образцы. «Классиком» Мерзлякова можно назвать лишь условно: его разночинский стиль и пафос, противостоящий аристократическому пушкинскому (на это метко указывал Лотман), не имеет ничего общего с утончённым французским классицизмом XVII—XVIII столетий. На поверхности Мерзляков — эпитом поэтики Горация (чью *De arte poetica* он переводил) и Буало; по сути он гораздо ближе прекраснородушным интеллигентам сороковых — пятидесятых годов, современникам Белинского. Он занимал исключительно важный боевой пост — профессор эстетики Московского университета, имел возможность и должен был посодействовать тому, чтобы хрупкая и утончённая культура русского дворянства рубежа столетий смогла закрепиться на более широкой почве и творчески воспринять и переработать влияние как древней, так и новой поэзии; он не сумел этого сделать; историю он заменил «правилами», а систему — «сердцем». Именно это имеет в виду Пушкин, рекомендуя Шевырёва: тот представляет *исторический* подход, основанный на прочном фундаменте германской философии, и к тому времени он уже зарекомендовал себя блестящим исследованием о Данте. Для того чтобы нести это бремя, требовались таланты, далеко превосходящие мерзляковские; когда на этот пост заступили гораздо более образованные и компетентные Шевырёв и Давыдов, было уже поздно. Однако — и этого нельзя забывать — не в одном юном сердце он заронил любовь к русской поэзии и желание по мере сил служить ей собственными трудами; своей не сложившейся жизнью, своей сиротливой смертью он давал пример такого бескорыстного служения. И поэтому у позднейшего историка не поднимется рука бросить в него камень.